

Хоть поверьте, хоть проверьте... Ирада Зейналова, получившая ТЭФИ как лучший репортер, бросилась за долгожданным "позолоченным дядькой" на сцену и в зале, где сидели все ее коллеги, оставила туфельку. Сказка только начинается, эта Золушка восточного типа с Первого канала, такая умная и правильная, похоже, далеко пойдет. Хочется только пожелать, чтобы ее "Орфей" не превратился вдруг в тыкву. А что нужно для этого сделать, она и сама знает.

С любимыми игрушками: "Золотым Орфеем" и Чебурашкой.

ГЕНАДИЙ АБРАМЕНКО

ПРИНЦЕССА ИЗ ЛОНДОНА

— Вы все еще рады этой статуэтке? Эйфория не прошла?
— Я ужасно хотела ТЭФИ. Мне казалось, что вот ты перешагнешь этот рубеж — и жизнь станет голубой и зеленой.
— А нет на душе опустошения? Ведь все свершилось?
— Пустоты нет, пока — радость. Я еще в облаках летаю. Вообще я такой человек, который живет от зарубочки до зарубочки. У меня сейчас зарубочка — квартиру в Лондоне поменять... Моя победа — коллективный труд. Мне все ребята помогали, переживали за меня, и как после этого я могу говорить про опустошение. Мне звонили репортеры со всех каналов, поздравляли. Невероятное чувство, когда тебя любят коллеги. Это редкость в новостной журналистике. И те, кто поздравил искренне, от души, — и есть настоящие друзья. В беде легко друг друга поддержать, в счастье тяжело.
— А эту знаменитую телевизионную зависть вы не ощутили?
— Я, наверное, клиническая идиотка, но никакой зависти не ощущаю. Я сама человек независимый, и всегда меня это спасало. А люди это чувствуют. Лучше порадоваться за коллег, чем думать: боже, боже, какие они уроды... Новостная журналистика питается кровью тех, кто здесь работает, и чтобы себя сохранить, нужно сохранять человеческие качества. Потому что за неделю ты проживаешь 10 жизней.
— Вы по натуре не философ?
— Я по натуре восточная женщина. Но притом настойчивая. И это моя философия.
— Восточная женщина может быть настолько амбициозной, как вы?
— Восточная женщина — витрина своего мужчины. И если у него сильная женщина — значит, он сильный. Мы же очень плохо знаем Восток. У пророка Мухаммеда было 8 или 9 жен, они умирали, погибали, но все были молодые,

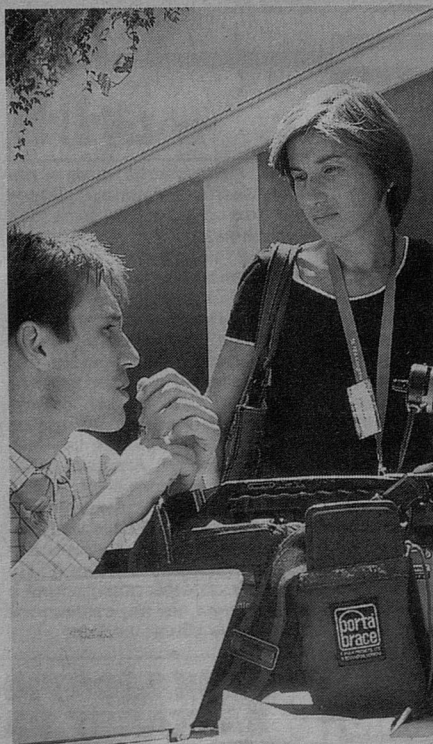
таточно большая разница в возрасте — 10 лет. К тому же он хорошо воспитанный человек. Он прекрасно понимает: есть премия, нет премии — от того я не перестаю быть его женой и матерью его ребенка. Что изменилось? Мы мужчина и женщина, которые 13 лет вместе, и все эти годы вытаскивали друг друга из таких ситуаций, после которых мало кто оставался вместе или выживал. У нас было столько всякого разного, что ТЭФИ — не самое большое испытание, которое с нами произошло.
— Ирада, ваше имя что значит в переводе?
— По-персидски — "дочь победителя" или "воля к победе".
— То есть полное соответствие вашей сущности?
— В общем, да. Честно говоря, я ужасно рада, что у меня такое имя. Потому что оно легко запоминается.
— Завтра вы улетаете в Лондон?
— Да. И вернусь в отпуск только через год. Вот это настоящее испытание для моего мужа. Дай бог, чтобы он это пережил.
— Но он же к вам туда все время летает?
— Да, летает. Но ему тяжело. На свой радиозфир он встает каждый день в пять утра. И так всю неделю. А потом прилетает ко мне. Ну, а я девка не очень домашняя, поэтому он занимается и мной, и ребенком, да еще и квартира в ужасном состоянии, поэтому он и ремонт делает сам.
— В Лондоне вы снимаете квартиру?
— Да, как все российские журналисты. Плохая квартира, но в хорошем районе. Общая площадь — 60 метров, маленькая зала и две комнаты — одна 7, другая 8 метров.
— Вы там с сыном живете?
— Да. А 1 декабря ко мне приедет дочь моей подруги, чтобы с ним сидеть. Сыну 10 лет, и он ходит в посольскую школу.
— То есть англичанином вы его делать не собираетесь?
— Если б он был совсем маленький и я собиралась здесь жить долго, то ассимилировала бы его по полной, как это делают мои коллеги, живущие в Лондоне по 6—7 лет. Но вдруг — вы будете смеяться! — я поняла, что страшно люблю свою родину, и через два года собираюсь вернуться.

Ирада ЗЕЙНАЛОВА:

"Новости на телевидении — как спецназ в армии"

амбициозные. Последняя из жен, самая молодая, 19-летняя Айша, и вовсе была женщиной-бизнесмен по тем временам. Она возглавляла одно из его военных подразделений. Для ислама нормально, когда женщина не сидит дома. Да, она должна быть преданна своей семье, но не должна жить под замком.
— Ну а что вам за радость в этой премии? Вы же знаете, как порой выдаются эти статуэтки? Может, просто нужно делать свое дело и пусть будет, что будет?
— У меня очень особенное отношение к ТЭФИ. Я ведь всегда считала своего супруга Самолетова лучшим корреспондентом, которого я встретила за 9 лет работы на ТВ. Но он никогда не номинировался. Но он вырастил меня как профессионала, и я осуществила его мечту. ТЭФИ же — не просто статуэтка. Это билет в некий "клуб бессмертных" — как публикация на обложке The Times — своеобразный статус. Мне кажется, номинация "Лучший репортер" абсолютно честная, здесь же все друг друга знают. Раньше ее получали Вадим Такменев, Илья Зимин, Паша Лобков, Женья Ревенко, Андрей Лошак. Это репортеры, которые невероятно хорошо делают свою работу.
— Вы заметили, что называете только НТВшников?
— Да, получается, что я вошла в закрытый клуб НТВшных мужчин. Ты можешь не спать неделю, чтобы отработать командировку. А когда ты не спишь, ты не ешь. Ты только куришь и пьешь воду. Ты даже никакого спиртного себе не позволяешь, потому что у тебя должен быть светлый мозг. И вот ты сделал, обработал материал, вернулся, тебе говорят спасибо и посылают дальше. Командировка — тоже как ТЭФИ, здесь ты должен победить.
— На ТЭФИ лучшего выбирают отдельные люди, и сразу начинаются разговоры — кто, кого и почему.

— Но вы же видели, что компьютер случайным образом выбирает 13 академиков, и они публично голосуют. У каждого из них на телевидении нет ничего, кроме репутации. И у меня нет ничего, кроме моей репутации, я подписываюсь своим именем под тем, что говорю в эфире. И если я говорю неправду, то мне могут сказать: слушай, мать, ты сказала неправду, и где совесть? И в следующий раз мне уже не поверят. Дороже репутации нет ничего.
— Как вы думаете, все ли на ТВ берегут свою репутацию так же, как вы?
— Со всеми не общаюсь, но те, кому я доверяю, думают так же, как я. Новости на телевидении — как спецназ в армии. Ты все время в экстриме и поэтому должен быть в тонусе. И если тебя кто-то подводит, значит, не уважают. Со мной ни разу не случилось, чтобы меня кто-то намеренно подставил, даже из конкурентов. И я тоже стараюсь никого не подставлять.
— И все-таки у вашего мужа Самолетова не будет комплекса неполноценности по поводу вашего ТЭФИ?
— Он взрослый и мудрый. У нас с ним дос-

— А как вечера проводите? В паб ходите?
— Я вообще не пью. Ребенок-то все время меня ждет, и я это знаю. Ему нелегко, у него стрессы. Прихожу, а он: "Мама, обними меня". Ему ничего не остается, как сидеть дома и читать книжки. Мне его ужасно жалко.
— В связи с последними событиями Лондон теперь становится центром российской политики. У вас нет такого ощущения?
— Я считаю себя достаточно образованным и эрудированным человеком, у меня западное образование — я получила его в Пенсильвании. Но про Лондон я знала то же, что и все: всякие прибабасы типа чемпионата мира по перекатыванию сыра, Закаев, Березовский, "Челси", Абрамович. Но когда я там оказалась, поняла, что это совершенно другая страна. Например, из-за политкорректности англичан количество мечетей в Лондоне скоро превысит количество церквей. По Лондону можно идти часами и не встретить ни одного англичанина. Бывает жутко, когда заходишь в магазин, и никто из персонала не говорит по-английски.
— Но как можно, глядя из Лондона на все наши "ужасы-ужасы", вдруг стать страшной патриоткой России?
— Я просто знаю, что в России жить лучше, потому что это более свободная страна, с точки зрения обычного гражданина. Когда ты идешь или едешь по Лондону, то знаешь, что тебя непрерывно фотографируют по 300—400 раз в день. Когда паркуешь машину, к тебе обязательно подойдет человек в зеленой жилетке и проверит, а не парковался ли ты здесь час назад. Я выхожу на работу, выглядывает сосед и спрашивает: "Извините, а с кем вы оставили своего ребенка?" Да не твоё дело, это моя личная жизнь! Но они считают, что всегда вправе в нее вмешаться. У них все время люди смотрят в окна и наблюдают. А потом звонят в инстанции: "Вот они "тарелку" повесили, а разрешение у них есть?" Или ты едешь за рулем, зазвонил мобильный, и ты говоришь: "Я перезвоню", потому что в Англии нельзя говорить за рулем. Но тут же ты видишь, как кто-то бежит к полицейскому: смотри, она телефон за рулем схватила... У нас другая жизнь, и она мне нравится больше.

Александр МЕЛЬМАН.

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

МИХАИЛ КОВАЛЕВ